Л.Н. Верчёнов

«ЧЕЛОВЕК РУССКИЙ», ГОД 2014: КТО МЫ, КУДА ИДЕМ

Верчёнов Лев Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Известный бард и поэт (доктор геолого-минералогических наук, профессор) Александр Городницкий отмечает у себя непонятную ему самому способность к поэтическим пророчествам – в 2007 г., например, написались строчки: «И слышу снова сорок сороков я. / Московия, лишенная морей, / Стремительно летит в Средневековье. / …Клубится дым у Терека-реки, / Ждет беглецов литовская граница – / … Лихие наступают времена, / Русь, как пружина, сжата до отказа – / Все будет вновь – Ливонская война / И покорение Крыма и Кавказа» [Городницкий, 2015].

Не все из «предсказанного» воплотилось в жизнь, но «ощущение абсурдности происходящего» (Л. Гудков), психоз иррациональности (А. Ципко), начиная с марта 2014 г., «политические безумства России в последнее время» (Владислав Иноземцев) свидетельствуют, что на самом деле, слегка перефразируя, «лихие наступили времена».

* * *

Несколько дат в 2014 г. радикально трансформировали политическую повестку дня в РФ: 23 февраля – праздничное закрытие триумфальной для России Олимпиады в Сочи; 27 февраля – объявление референдума на Крымском полуострове (назначение даты референдума происходило в условиях «крымского кризиса»); 16 марта – проведение референдума, на котором 96% принявших участие в голосовании жителей Крыма, «опасаясь за сохранение собственной идентичности и русского языка», высказались за вхождение в состав России; 18 марта – внеочередное послание президента РФ к Федеральному Собранию и подписание договора о присоединении к России Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Эмоциональное состояние российского населения в эти дни (воодушевление, восторг, всплеск патриотизма) вполне соответствует словам, написанным задолго до этого (в связи с возвращением из Франции русской армии, победоносно закончившей в Париже Отечественную войну 1812 г.): «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!» Хотя на этот раз победа – «Крымнаш» – гораздо скромнее, но как сильно и сладко забилось огромное количество русских сердец.

Буквально в мгновения население страны, в массе своей достаточно равнодушное к политике и озабоченное до этого проблемами повседневного быта, обернулось не просто большинством, а практически «сверхбольшинством» (К. Рогов). Оказалось, что его волнуют и политические пути движения страны, и, более того, даже «метафизические» проблемы русского Бытия. Обычно Пушкина цитируют, ограничиваясь приведенными выше фразами, но у Александра Сергеевича есть и продолжение. Процитируем еще раз: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! С каким единодушием мы соединяли чувство народной гордости и любви к государю. А для него какая была минута!» Нынешнее наше «чувство народной гордости и любви к государю», по мнению аналитиков, политологов, социологов и комментаторов, едва ли не беспрецедентно. Между вождем и народом возникает загадочная связь – не столько эмпатия (сопереживание), сколько симпсихоз (душевный симбиоз), скажет по этому поводу М. Эпштейн.

Представляя в конце декабря номер «Независимой газеты», в которой подведены «итоги 2015 года», главный редактор К.В. Ремчуков замечает: «Уровень реальных доходов граждан продолжал снижаться. Рейтинг Владимира Путина продолжал расти…[1] Приходится додумываться… что бы это значило. Либо уровень падения доходов незначителен, либо сами средние доходы невелики и их реальное измерение не отражается на типовой структуре потребления, либо психологическая удовлетворенность от демонстрации военной силы затмевает неудобства текущего момента, либо просто любовь к Путину – онтологическая и одновременно метафическая реальность сегодняшней России» [Ремчуков, с. 1].

1. В январе 2015 г., по подсчетам Фонда «Общественное мнение», президенту доверяли 83% россиян, к ноябрю 2015 г. доверие президенту, согласно ФОМ, составило 85% [ФОМ: работу… 2015].

Информация к размышлению. Выкладки научного руководителя Института экономики РАН Р. Гринберга: сегодня в России 5% граждан владеют 70% богатств России, 15% живут более или менее по-человечески (что-то вроде среднего класса, по крайней мере, это обладатели загранпаспортов), а остальные 80% ходят на работу, чтобы выжить (работают «за еду», живут от зарплаты до зарплаты) [Гринберг, Скворцова, 2015, с. 8].

«Такого уровня консолидации вокруг первого лица не было никогда. Никогда не было такого уровня поддержки военных действий и одновременно совершенно иррационального озлобления против всего мира. Не хочу быть пророком, но, может быть, Россия в лице ее сверхбольшинства приняла сегодня историческое решение, которого в истории страны никогда не было», – констатировал Б. Дубин в интервью Марии Шубиной весной 2014 г. (При жизни Дубина это интервью не было опубликовано, оно было вывешено на сайте после его кончины) [Дубин, Шубина, 2014]. Характеризуя политические настроения (что-то вроде «политического опьянения») и социально-психологическое состояние российского общества весной 2014 г. Б. Дубин говорил: «Происходит процесс разложения социума… сегодня я думаю, что нет угла, не затронутого этим распадом. Здравые, казалось бы, люди готовы верить совершенно немыслимым глупостям, отстаивать мнение, которое никогда в жизни они не считали своим, впадать в раж, терять голову и способность к критическому мышлению. Не говоря уже о человеческой солидарности» [там же].

«Крымнаш», по-видимому, стал ответом на национальное чувство ущербности, комплекс неполноценности и одновременное ощущение изолированности в мире, чувство утраты того, что мы великая страна и нас боятся.

Можно напомнить, что были «90-е годы», в которые произошла варварская и бесчеловечная, поддержанная Западом приватизация, случился развал экономики и правовых институтов, разгром систем образования и здравоохранения – и все это на фоне криминализации общественной и государственной жизни. В течение нескольких лет две трети населения страны въезжает, по выражению социолога Левада-центра А. Левинсона, «мордой в стену» – и это коснулось всех: и тех, кто обольщался демократией, и тех, кто не верил в демократию, и тех, кто вообще не имел никакого мнения.

Как отметила «Независимая газета» в последнем за позапрошлый год номере, посвященном «итогам 2014 года», президент РФ, по-видимому, хорошо понимает массовые настроения населения страны, понимает психологию масс и часто ориентируется на эти настроения в своей деятельности. Дело в том, что «на уровне массовой психологии запрос на демонстрацию державности, суверенности, противоположности Западу существовал давно» [Новое покорение Крыма, 2014]. «Давно» в краткой истории современной истории России – это, наверное, имеется в виду, а на самом деле давно и в русской истории.

Западные наблюдатели политической истории Российской Федерации, трезво оценивающие текущую политическую ситуацию в России, склонны

разделять подобные взгляды. Вот мнение Ангуса Роксборо – автора книги «Железный Путин: Взгляд Запада»[2] [Роксборо, 2012].

«Мои репортажи для ВВС запечатлели десятилетие позора и унижения, пережитого жителями некогда могучего государства, – пишет А. Роксборо. – …Российское общество оказалось поистине раздавлено резким отходом от коммунизма. Люди потеряли свою страну… Западные лидеры были не в состоянии оценить психологическую травму, которая была нанесена россиянам как нации. Владимир Путин же видел это прекрасно. Большинство россиян с легкостью отказались от коммунистической идеологии. Но они не избавились от образа мышления, сформированного еще в докоммунистический период и лежащего глубоко в душе русского человека. Именно самая мрачная сторона жизни 1990-х годов, которую Запад попросту просмотрел, и подготовила плодородную почву, в которую Путин начнет сажать свои идеи» [Роксборо, 2012, с. 21, 24, 27–28].

Социологи еще ВЦИОМа, ныне Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра), в первую очередь сам Ю.А. Левада, уже с середины 90-х годов – на основе репрезентативных социологических исследований – стали отмечать нарастание авторитарных ожиданий в российском обществе, усиление консервативных тенденций.

После попытки путча в октябре 1993 г., танкового обстрела Белого дома, развязывания Чеченской войны в 1994 г., т.е. после событий, продемонстрировавших, по мнению Б. Дубина, слабость власти, ее нерешительность, отсутствие ясных видов на будущее, в российском социуме начали нарастать ожидания единоличного лидерства, «твердой руки» и «жесткого порядка».

В исследовании 1994 г. на вопрос «Что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?», продолжает Б. Дубин, 57% опрошенных согласились

2. В 2006 г. Администрация президента РФ заключила контракт с базирующимся в Нью-Йорке PR-агентством Ketchum и его брюссельским партнером CjPlus. В функции Ketchum входила задача рекламировать Россию за рубежом, формировать новый ее облик.

В марте 2015 г. Кремль прекратил сотрудничество с Ketchum: фактически уже с сентября 2014 г. никаких работ по контракту с американскими пиарщиками не велось, теперь от их услуг отказались юридически. Сложившаяся обстановка в мире сейчас не благоприятна для «восприятия истины» – так прокомментировал пресс-секретарь президента РФ Дм. Песков отказ от услуг Ketchum.

Ангусу Роксборо – сотруднику Ketchum, специалисту, хорошо осведомленному о России, была в 2006 г. предложена работа, он принял это предложение и стал кремлевским консультантом по СМИ, жил в Брюсселе, но часто наведывался в Москву. Будучи иностранцем, он тем не менее стал человеком, максимально приближенным к коридорам российской власти.

Книга – личные наблюдения о периоде с 2006 по 2009 г.

с вариантом ответа «Концентрация власти в руках сильного и авторитетного лидера» [Дубин, 2011, с. 78]. «Из-под временных и нестойких наслоений стали проступать гораздо более долговременные, привычные представления и ориентиры. Прежде всего это… выразилось в концентрации коллективных ожиданий на воображаемой фигуре “вождя” и проблемах “стабилизации, порядка”… К этим сдвигам в коллективных ориентациях присоединились в описываемый период укренившиеся настроения массового изоляционизма – бытовой агрессивной ксенофобии, символического отчуждения от Запада, демонстративного антиамериканизма, риторики “своего”, “особого” пути. Так сложился своеобразный “квадрат” воображаемых коллективных ориентиров, страхов и надежд россиян второй половины 1990-х гг.: советский неотрадиционализм – советская великодержавность – изоляционизм и ксенофобия – вождизм» [там же, с. 79–80].

Запрос на «неоконсервативный синтез» (термин Л. Бызова), легший в основу нынешнего «путинского большинства», проявился еще до Путина. Удачное попадание нужного человека в нужное место и в нужное время – большая историческая редкость, и Путин оказался абсолютно адекватен ситуации. Содержание «неоконсервативного синтеза» – порядок, социальная справедливость и патриотизм. Они и оказались скрепами, объединяющими «путинское большинство» поверх социальных, идеологических и электоральных различий.

20 с лишним лет на фоне жизни с повсеместным «ожесточением долгой бедности», «непониманием, как жить в условиях, зная, как “делили”, как поделили Россию, ощущением “нас обокрали”, стало понятно: вокруг враги, нас унизили и унижают, с нами не считаются» (Св. Алексеевич).

На Западе, прежде всего в США, и в Европе, недооценили социальные, политические и *ментальные* (курсив мой. – *Л. В.*) последствия краха Советского Союза (Вл. Иноземцев).

«Превратившись в фокус массовых чаяний справедливости, порядка и патриотизма, Путин тем самым оказался в глазах общества и главным патриотом / националистом», – напишут Татьяна и Валерий Соловей в книге, вышедшей вторым изданием в 2011 г. (впервые издана в 2009 г.) [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 452].

«Струнка, которую Путин задевает в сердцах миллионов россиян, – ностальгия, тоска по “равенству”, товариществу, единству, боевому духу, которые просуществовали в России дольше, чем где-либо. Все это действительно реальность. Возможно, чуждая большинству людей на Западе, но реальность» [Роксборо, 2012, с. 344–345].

Реальностью является и «особый путь». По мнению директора Левада-центра Л. Гудкова, особый путь – это, ко всему прочему, своего рода психологический защитный барьер против нежелательного сопоставления

некомфортного обустройства жизни в России и «нормальных» западных странах, это комплекс «не хочу даже сравнивать», это закрытие от всего внешнего. Единственная возможность уйти от болезненного сравнения с развитыми странами – но зато «мы великая держава». «Настроения типа “Верните нам статус великой державы!” начали проявляться еще до прихода к власти Путина» [Гудков, 2015, с. 9]. Чувство причастности к великой державе компенсировало убожество повседневной российской жизни, согласие на бедность, покорность и подчинение.

Писатель Виктор Ерофеев, либерал и «западник» в интервью корреспонденту украинского еженедельника Наталии Двали отмечает: 2014 год стал годом-рентгеном – оказалось, что подавляющая часть населения исповедует абсолютно антизападные, антидемократические и антилиберальные ценности. И телепропаганда тут ни при чем, речь идет о архаических российских понятиях: к радости огромного количества россиян Путин, наконец, стал артикулировать то, в чем убеждены многие в России.

Доля населения, исповедовавшего западные ценности в России, составляла всего 15%. После перестройки и распада СССР никто не принимал во внимание сознание 85% россиян, не разделявших европейские ценности. Это большая ошибка либералов и демократов, пришедших во власть после 1991 г. [Ерофеев, Двали, 2014].

Еще в 1991 г. венгерский исследователь Акош Силади писал: поскольку победа демократии в России в 1991 г. произошла вопреки обществу или во всяком случае без его широкой поддержки, эта победа окажется серьезным испытанием для демократов, таким испытанием, которое они вряд ли выдержат.

Мнение А. Силади было изложено в обзоре, опубликованном в первом выпуске сборника «Политическая наука в России», подготовленном Отделом государства и права ИНИОНа [Верчёнов, Шлемин, 1993]. Перечитал – и поразился предвидениям А. Силади и некоторых тогдашних российских политологов и политических публицистов.

Вот точка зрения А. Васильева из этого же обзора: для все увеличивающейся части населения демократические лозунги и сами демократы все больше сливаются с фактами массового обнищания, возрастающей безработицы, вымыванием интеллигенции из общества. Все сильнее ностальгия по сильной руке, по сильной власти. Поэтому не исключен просвещенный авторитаризм, скажем, национально-демократическая диктатура, которая, ограничив разнузданные свободы, обеспечит политическую стабильность. В противном случае сложится диктатура тоталитарная, опирающаяся на люмпенов. Оптимистического сценария, по мнению А. Васильева, не предвидится. Приходится надеяться на лучший из плохих сценариев [Васильев, 1992, с. 4].

Возвращаемся в наши дни: возможное нежелательное развитие событий, по мнению А. Роксборо, может стать следствием как непонимания Западом, его лидерами психологической травмы от унижения, пережитого жителями Советского Союза, так и позиции Путина, учитывающего эту травму.

* * *

После 18 марта 2014 г. Россия «вышла на площадь». И хотя эмоциональный всплеск подавляющего большинства российского населения – «Крым-наш» – стал, скорее всего, компенсацией за годы унизительного состояния после распада Советского Союза, но невиданное в последние десятилетия эмоциональное единение большинства населения не явилось ли актом пробуждающегося гражданства в отсутствующем пока гражданством обществе и, более того, шагом на пути становления политической нации? Не являемся ли мы свидетелями рождения в России политической и гражданской нации?

Акош Силади писал, и в немногочисленных беседах с ним мы тоже говорили о том, что русские еще не стали нацией, во всяком случае политической гражданской нацией. Когда-то это, конечно, произойдет, и не исключено, что путь к этому может оказаться кровавым и уж, конечно, не будет усеян розами.

Проблема национального государства, нации в современной России действительно актуальна. Вот что думают (и пишут) по этому поводу представители академической политической науки.

Из европейской Тридцатилетней войны (1618–1648) вышел новый порядок, основой которого стало национальное государство. «В Европе совершился переход от религиозной идентичности к государственно-политической» [Глебова, 2014, с. 102]. Образование национальных государств современного типа состоялось в Западной Европе и Северной Америке в XVIII–XIX вв. и было тесно связано с распространением национализма. Национализм на этом этапе представлял собой светскую идеологию, основывающуюся на вере в общность судьбы, целей и ответственности всех граждан конкретного национального государства; ключевыми ценностями этой идеологии были суверенитет народа и патриотизм. Изначально национализм выражал настроение масс, был связан с борьбой народа за право самому определять свою судьбу в рамках своего национального государства и воспринимался как прогрессивная идеология, способствующая социальному и индивидуальному освобождению.

Размышляя о национализме в диссертации, защищенной в 2009 г., Т.Л. Полянников, молодой ученый, к сожалению, рано ушедший из жизни, полагает, что в соответствии с логикой догоняющей, «запаздывающей» модернизации на повестке дня в нынешней России стоит необходимость

формирования гражданской идентичности и политической нации [Полянников, 2009, с. 25].

«Россия беременна нацией, подспудно ее большинство хочет стать нацией, но только не знает какой – этнической или гражданской», – считает Э. Паин [цит. по: Политическая ситуация… 2013].

Взволнованно размышляет В.А. Ковалёв о нормальном национализме. Сегодня, считает он, «русские – это спящая идентичность» [Ковалёв, 2011, с. 27].

Нормальный национализм «предполагает **формирование нации** (выделено нами. – *Л. В.*) как сообщества политически равных, социально солидарных людей, принадлежащих к одной культуре» [там же, с. 27].

Население страны должно стать «политической нацией» [там же, с. 28]. «Политическая нация – это основа, “субстрат” для демократического государства» [там же, с. 42].

Нормальный русский национализм – это соединение национализма с демократией. Демократия без опоры на национальное чувство и патриотизм не смогла прочно укорениться нигде. В 2013 г. вышел в свет сборник статей «Государство. Общество. Управление», составителями и редакторами которого стали М.Б. Ходорковский (в то время еще находившийся в заключении) и С.А. Никольский (заместитель директора Института философии, доктор философских наук) [Государство. Общество. Управление, 2013]. Книга посвящена проблематике взаимоотношений российского государства и общества. В рецензии на эту книгу Ст. Львовский подчеркивает: по мнению некоторых ее авторов, «гражданской нации в России еще только предстоит возникнуть, исторический этап национального государства в России неизбежен» [Львовский, 2014, с. 134].

«Реальное становление гражданской нации в России… если и возможно, то в неблизкой перспективе» [Паин, 2014, с. 51].

Под специфическим углом зрения о несформированности русской / российской нации писал в 2007 г. А.И. Миллер: нестабильность на Украине и другие возможные обострения ситуации у границ России являются для страны не только внешнеполитическими проблемами, «но становятся серьезным вызовом для становления нации в нашей стране» [Миллер, 2007, с. 14].

Непросто идет становление политической нации в России (если считать, что начало этому процессу положил март 2014 г.). Активные антилибералы и национал-социалисты, считал еще в 1991 г. А. Силади [Силади, 1991], которые клеймят происходящее в России как «либеральный трюк», «жидомасонские махинации» и «западный заговор», предприняв соответствующие практические начинания, пообещают населению хлеб и порядок, и, главное, выпустят на свободу фурию оскорбленного национального самолюбия, национального унижения. В конце концов в лагерь сторонников фанатичного

государственного национализма массы всегда гнали разочарование и отчаяние.

* * *

Русские в Советском Союзе всегда были «неудобной» нацией. Русских в СССР некому было защищать: союзное руководство занималось другими проблемами, а руководство национальных республик о русских и слышать не хотело.

Не напоминает ли это современную Россию, ведь фундамент нынешней РФ был заложен именно советской властью.

Об этом размышляет известный российский автор. «Октябрь 1917 г. – это катастрофический срыв русского нациостроительства[3]», – полагает историк, публицист, научный редактор журнала «Вопросы национализма» С.М. Сергеев [Сергеев, 2011, с. 93].

Революция и Гражданская война раскололи русский этнос (вообще-то давно уже расколотый): на одной стороне оказалась социальная, политическая и культурная элита, для Сергеева это и была «нация» (всего несколько процентов – 5–10, не более), которая и аккумулировала в себе национальную идею, на другой – огромное море только-только начавших вовлекаться в нациестроительство социальных низов («народ» – условно определяет Сергеев), стихийный бунт которых сумела оседлать интеллигентская секта радикальных марксистов-большевиков с сильным инородным компонентом и отчетливым русофобским дискурсом.

«Коммунисты, одной рукой создавая очень важные предпосылки русской нации, другой – под корень ее подрывали… Большевистская политика самым радикальным образом лишила русских *собственности* и *политической субъектности,* без чего политической нации не может быть по определению» [там же, с. 96].

В свое время С. Сергеев сформулировал: Гражданская война в России – это война нации и народа. В результате победы «народа» и целенаправленной репрессивной политики большевиков «нация» была либо уничтожена, либо эмигрировала, либо вынужденно мимикрировала при новом строе. «В 20-х – первой половине 30-х годов в СССР из русских точно делали не нацию, а некое безнациональное орудие, специально предназначенное для создания и обслуживания совершенно нового мира… в котором предполагалось “без Россий, без Латвий жить единым человечьим общежитьем” (эта политика касалась только русских)…» [Сергеев, 2011, с. 94].

3. Так у автора. – Прим. Л. В.

Кстати, в имени государства – «Союз Советских Социалистических Республик» – Жак Деррида подметит примечательную особенность: «Само название СССР является единственным в мире названием государства, не содержащим в себе никакой отсылки к местности или нации, единственным именем собственным государства, в котором нет имени собственного в обычном смысле слова» [Жак Деррида в Москве, 1993].

Отрицательные коннотации термина «русский национализм», относящиеся к периоду существования Советского Союза, а большевики здесь очень потрудились, в современной российской политической практике и современном российском политическом дискурсе являются преобладающими. Хотя не подлежит сомнению, что во многих странах национализм являлся и является сильнейшим стимулом экономической и политической модернизации.

Серьезной проблемой в России является подмена нормального национализма (без которого у нации не будет энергии для возрождения, для модернизации) державническим патриотизмом. Хороши же «русские националисты», «готовые принести русскую нацию на алтарь нового глобального проекта, только бы он был антизападным» [Ковалёв, 2011, с. 38].

Национализм – это нормально, это респектабельная идеология, а не прибежище для лузеров и людей с психическими сдвигами, он не должен ассоциироваться с военизированными организациями, ксенофобией, насилием, не должен загоняться в подполье.

Нормальный русский национализм не может иметь ничего общего с дискриминацией других народов. «Русские националисты должны согласиться и с нормальным национализмом других народов – для обеспечения свободного, цивилизованного диалога в целях решения общих проблем… Если народам разных национальностей будут предоставлены демократические права, то они смогут договориться об улучшении совместной жизни в подавляющем большинстве случаев. В пользу такой версии говорит опыт нескольких столетий совместной жизни» [Ковалёв, 2011, с. 43].

* * *

В России до 1917 г. государственная идентичность была имперской, монархической и православной, но никак не национальной. В СССР постепенно сложилось представление о советской наднациональной общности – «дружной семье народов». После распада Советского Союза, считает М. Липман, одни отстаивали идею необходимости построить в России гражданскую нацию, другие считали, что Россия не должна преодолевать свою имперскую сущность, третьи выступали с идеей национального государства, в котором будет закреплена главенствующая роль этнических русских. В нынешней

России гражданскому места нет, уничтожены и перспективы строительства гражданской нации. «Из оставшихся вариантов – имперской нации и национального государства на “этнической” основе – сам Путин отчетливо делал выбор в пользу первой, точнее, ее советского образца» [Липман, 2014]. До недавнего прошлого он настаивал, что превращение в национальное государство для России губительно, подчеркивал ее «цветущую сложность».

В январе 2012 г. в одной из предвыборных статей «Россия: национальный вопрос» премьер-министр В.В. Путин говорил о крайней опасности построения моноэтнического государства, «под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение», о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа».

Серией предвыборных статей Владимир Путин не только формирует политическую и информационную повестку, но и призывает к общественной дискуссии, полагал тогда В. Никонов и формулирует: «Нам нужно, как это сделали уже многие ведущие страны мира, выстраивать модель гражданской нации, которая построена не по этническому принципу, а по принципу сообщества людей, проживающих на общей территории, разделяющих общие ценности и осознающих себя единой общностью в пространстве и времени» [Никонов, 2012].

Можно привести и совсем раннее, но в высшей степени примечательное суждение Путина в конце 1999 г. На вопрос интервьюера «Вы ощущаете себя мессией?» он ответил: «Я ощущаю себя простым русским человеком, который испытывает такие же чувства, как и любой российский гражданин»[4].

Алексей Миллер напоминает, что в конце 2005 г. В.В. Путин (во время газового кризиса с Украиной) не раз напоминал, как Западная Германия экономически поддерживала Восточную ради воссоединения – и получил вопрос от журналиста Дмитрия Киселева: не следует ли нам объявить русских разделенной нацией. Путин, продолжает А. Миллер, эту идею не поддержал.

Тогда не поддержал. А 18 марта 2014 г. Путин произнес речь по случаю присоединения Крыма, в которой прозвучали слова, относящиеся к драме всей постсоветской ситуации: «Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей… а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим, разделенным народом в мире» [Путин, 2014].

4. «Так ответил на вопрос Владимир Путин, тогда еще начинающий премьер-министр, осенью прошлого года. Интервью так и не было опубликовано – имиджмейкеры премьера сочли его, видимо, излишне откровенным» [Трубачев, 2005].

* * *

Советская власть не ставила своей целью создание русской нации, но она создала очень важный элемент нациестроительства (С. Сергеев) – русско-советскую культурную идентичность (к этому не могли не привести усилия по ликвидации безграмотности, следствием чего стало всеобщее среднее образование, активная просвещенческая политика, чего стоило хотя бы всесоюзное празднование 100-летия со дня гибели А.С. Пушкина, пропаганда классической литературы, классической музыки и т.п.). Кстати, элемент русско-советской культурной идентичности и сегодня еще не утерян, полагает С. Сергеев [Сергеев, 2011, с. 96].

Апелляция к советскому – это ностальгия не столько по советскому, сколько по ощущению, что у нас был общечеловеческий проект. Люди тоскуют по каким-то пространствам смысла. Об этом, например, книга живущего ныне в США антрополога Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» (в минувшем году в издательстве НЛО вышла расширенная русская версия этой книги) [Юрчак, 2014].

Речь у А. Юрчака идет о том, что люди могли относиться к официальному социализму скептически, но у них было ощущение: строим будущее. И это будущее очень важно для огромного количества людей во всем мире, о нас знают. И вот исчезло ощущение этой значимости.

При обвале советской системы рухнуло не только государство со всем своим аппаратом, исчезла идея, что у всех (снизу доверху) есть привязка к некоему цивилизационному проекту. Советский проект был нацелен на будущее. Сегодняшний идеологический дискурс завязан на прошлом.

По-другому, наверное, и быть не могло. Как говорил в 1999 г. Ю.А. Левада: «Когда-то удивил нас легкий распад системы – потом оказалось, что это распад поверхностный… Нас удивило, откуда взялись новые совершенно раскованные люди – правда, со странной легковестностью, слабостью: откуда было им взяться? Потом оказалось, что это иллюзия, что никого там нет из новых людей: старые есть, но они старые, из них ничего не сделаешь, а нового поколения у нас нет. Это наша очень тяжелая беда. Поэтому все перемены, все приспособления делаются старыми руками» [Левада, 2011, с. 404][5]. Одним словом, империя ушла, а «красный человек» остался, и, более того, он продолжается (Св. Алексиевич).

5. Цитата приводится по четвертой книге из серии, посвященной жизни и работе Ю.А. Левады: составителем всей серии стала его вдова Т.В. Левада [Левада, 2011]. Цитируется текст беседы, записанной Ириной Прусс, опубликованный впервые в журнале «Знание – сила» в 1999 г. № 11–12.

* * *

Цесаревич Александр Александрович Романов (будущий Александр III) проявлял интерес к творчеству Достоевского. Федор Михайлович не раз бывал в Аничковом дворце, резиденции наследника престола.

Ниже приведены строки из письма, которыми сопроводил Достоевский свой роман «Бесы», передавая его наследнику престола: «Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее, что они совершенно правы: ибо раз с **гордостью** назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами в глубине и задачах русского духа заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного **высокомерия** о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нациею и оставить по себе хоть что-нибудь Самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так "высокомерны" в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными» [Достоевский, 1986, с. 260].

Этих слов Федора Михайловича с избытком хватает, чтобы понять, насколько сложной и проблематичной для русских были темы «Россия и Европа», неприятие ценностей западной, т.е. европейской, цивилизации, ее несовместимости с самобытностью цивилизации русской.

Собственно и «не-наши» специалисты, наблюдающие за современной Россией, склоняются к тому, что «россияне в массе своей, как правило, не такие, как "среднестатистические" жители стран Запада» [Роксборо, 2012, с. 345].

По замечанию Ю.С. Пивоварова, «европейская культура Нового времени с ее политическими институтами, организацией экономики… не имела в России достаточных шансов на укоренение, поскольку была "продуктом" другого типа исторического развития» [Пивоваров, 1994, с. 126–127].

Поэтому, это уже точка зрения В. Кантора, в канун 1917 г. слишком многие в России надеялись, что народный гнев снесет все, что «укоренилось в России с Петровских реформ, всю онемеченную власть, заимствования европейской цивилизации, чтобы на чистой почве взращивать самобытные всходы» [Кантор, 2007, с. 33].

К словам Ф.М. Достоевского с обвинением в адрес представителей «нашего псевдоевропейского развития» добавим еще два мнения, свидетельствующие о том, что проблема эта и тогда, и сейчас не ушла и не уходит с повестки дня российской общественно-политической жизни.

В мае 1909 г. А. Блок пишет матери из Венеции: «Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши ото всего русского и увидеть свою другую родину – Европу, и Италию особенно» [Блок, 1983].

В марте 2012 г. литературный критик Валентин Курбатов, размышляя о творчестве Валентина Распутина в связи с юбилеем, называет его последним великим русским писателем и говорит: «Мы вернемся к его книгам, когда ужаснемся и побледнеем» – от того, что – «проснулись европейцами» [цит. по: Баканов, 2012].

Между этими мнениями разница в 100 с лишним лет, но по-прежнему неевропейская / европейская судьба России – это предмет столь острых размежеваний, что раскалывает русских.

Конечно, не только это. Сегодня российское общество – это поистине «расколотое общество».

* * *

Начиная с церковного раскола XVII в., Россия разделилась внутри себя – «внутри одной страны возникли по существу два типа цивилизации» [Кантор, 2007, с. 130].

В начале 1990-х годов Ю.С. Пивоваров, напомнив о взглядах В.О. Ключевского, ввел в оборот современной политической мысли представление о двух «враждебных складах и направлениях» послепетровской русской истории и русской жизни [Пивоваров, 1994]. Практически одновременно об этом же писал А.С. Ахиезер, а еще раньше А.М. Панченко, В.С. Непомнящий.

А.С. Ахиезер, например, в качестве основной объясняющей модели развития любого общества использовал понятие «раскол», понимая его как «конфликт особого рода, пронизывающий общества и не имеющий в данный исторический момент адекватного механизма преодоления» [см.: Заринская, Фирсанова, 2013, с. 476]. Проблема, однако, в том, что в России «данный исторический момент» растянулся более чем на три столетия и пока не видно конца этому «конфликту особого рода».

Из петровских преобразований, расколовших Московскую Русь на два мира, вышли, считает Ю.С. Пивоваров, цитируя В.О. Ключевского, «два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заста-

вить их дружно бороться с трудностями своего положения» [Ключевский, 1983, с. 363].

Собственно в разделе о церковном расколе два непримиримых направления русской жизни, два враждебных российских социума были достаточно подробно описаны.

Тем не менее конкретизация представлений о двух «складах», представленная Ю.С. Пивоваровым, будет не лишней.

Первый «склад» – это многомиллионная, в основном крестьянская, масса, ее жизнь прочно укоренена в культуре средневековой Московской Руси. Отношение к жизни и смерти, морали и праву, власти и собственности, труду и досугу, любви и семье отличает этот «склад» от другого основного «склада» русской истории XVIII в. Именно этот «склад», конечно, видоизменяясь через эпохи (и крестьянство становилось другим, особенно после отмены крепостного права; появился рабочий класс), определил национальный характер, менталитет, архетип русского народа.

Вторым «складом» русской жизни стало насильственное внедрение Петром I в русскую жизнь европейской культуры в русскую почву. Этот «склад» включал в себя все европеизированные верхи России: аристократию, дворянство, чиновничество, а позднее разночинную интеллигенцию и зарождающуюся буржуазию. Отличительной чертой здесь стала относительная неукорененность в национальных традициях, поверхностность и искусственность этого «склада».

Трагедия и специфика русского раскола заключена в «технологии» – насильственной – его осуществления властью и, как следствие этого, – непримиримом, антагонистическом характере взаимоотношений двух основных субкультур. То место, которое в истории Европы занимают социальные конфликты, считает В. Пастухов, в русской истории отведено столкновению культур, войне «менталитетов» [Пастухов, 2012, с. 176].

Конечно, с ходом истории ситуация столкновения двух субкультур менялась: во-первых, появившийся рабочий класс не вписывался ни в одну из субкультур; во-вторых, обе субкультуры не были замкнутыми: европейский «склад» пополнялся представителями «традиционного» склада; на противостояние двух субкультур, в-третьих, наложились классовые конфликты, но в России противостояние двух «складов» в значительной степени определяло и подчиняло себе все конфликты и противоречия.

Раскол на две субкультуры характерен не только для России, так, например, во Франции после Великой французской революции, пишет Ю.С. Пивоваров, ссылаясь на наблюдения А.М. Салмина, противостоят друг другу исторические общности: «католицизм» и «антиклерикализм». Но обе французские субкультуры имеют общий исторический корень, в то время как в России европейский «склад» взрастает на другом историческом корне.

Когда автору этих строк приходилось говорить о расколе как феномене русской жизни с английскими и венгерскими коллегами, то они пожимали плечами – типа, ну и что, всегда и везде есть простонародье и просвещенная часть населения. Но в том-то и дело, и это убедительно показал Ю.С. Пивоваров, что в России это выглядело (и выглядит, добавлю от себя) по-другому: так и не получившее «разрешения» непримиримое до сих пор противоречие.

И. Заринская и Е. Фирсанова отмечают современный проект «Евразийский монитор» (одним из инициаторов и активных участников проекта «Евразийский монитор» была исследовательская группа ЦИРКОН). Цель проекта – мониторинг социальных настроений жителей стран постсоветского пространства. Периодичность опросов – раз в полгода. Основной инструментарий: социологический опрос взрослого населения в 14 странах (с выборкой от 1100 до 2000 респондентов в каждой стране). Проект существует с 2004 г. и к настоящему моменту проведено 14 исследовательских волн.

Как показывает исследование 2009 г., мнения относительно тех или иных исторических событий и персонажей чрезвычайно разнятся, более того, дифференциация оценок наблюдается не только между населением различных стран, но и внутри одной страны. Оказалось, что «из 14 стран Россия попрежнему является самым расколотым обществом, что свидетельствует о том, что процессы идентификации не только не завершены, но особенно обострены» [Заринская, Фирсанова, 2013, с. 497].

Итак, сегодняшнее российское общество практически через 300 лет после реформ Петра I остается страной с расколотым обществом. Более того, это страна двух народов или «двух народов в одном» (формула В. Ковалёва): огромное большинство, ощутившее себя русскими и, соответственно, реагирующее на происходящие события по модели Московской и, в какой-то мере, старообрядческой Руси, и меньшинство (в лучшем случае 12–15%), каковым является европейски ориентированная часть российского населения.

Парадоксальны наблюдения над нынешним российским «сверхбольшинством». В современном российском обществе, подчеркивают Татьяна и Валерий Соловей, не актуализирована ни одна из традиционных христианских ценностей – отзывчивость, «милость к падшим», «нищелюбие», братский дух и т.п., которые русские обычно приписывают себе, не обнаруживая этих качеств в других народах. «Согласно масштабным сравнительным социологическим исследованиям, современная Россия – наиболее индивидуалистическая, социально жестокая и постхристианская страна Европы» [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 454].

По мнению С. Баранова и Д. Конова, социально-экономические отношения 1990-х годов не могли не отразиться на «человеке русском». «Жесткая социальная дифференциация и борьба за блага сделала русских менее отзывчивыми и менее склонными к близким отношениям. Сложившиеся диффуз-

ные системы сообществ стали рушиться из-за расслоения прежних друзей и родственников. Преуспевание и вообще самосохранение стало в большей степени рассматриваться как личностная заслуга» [Баранов, Конов, 2009, с. 432].

Сформировался, продолжают эти авторы, послушный социальный эгоист с подвижными межличностными границами, чередующий вынужденную социальную активность с глубокой пассивностью, социальную чуткость с антисоциальными порывами, жертвенность с индивидуализмом.

К тому же в нынешнем социокультурном и ценностном пространстве русских в массе своей трудно обнаружить базовые ценности, связывающие их с предыдущими поколениями и вообще с русской почвой. «Великая русская культура существует исключительно как парадная ценность: оставаясь частью исторического багажа, она не актуальна для современников, т.е. не задает им ориентиры, не стимулирует модели их поведения, не говоря уже о том, что она ими (особенно молодыми людьми) попросту не освоена, а знакома лишь понаслышке» [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 453].

А современная урбанистическая культура, в которой живет подавляющее большинство населения России, представляет собой вариант обобщенного стандарта городской общеевропейской культуры, продолжают Т. и В. Соловей. В ней нет ничего собственно русского этнического, за исключением языка коммуникации.

На специфический аспект этой обезличенной урбанистической культуры на примере «спальных» районов Москвы обращает внимание журналист и архитектор Г. Ревзин. Спальные районы Москвы, по его мнению, – это какая-то «нигдея»: это районы, в которых люди незнакомы друг с другом, не способны ни к какому коллективному действию, не ассоциируют себя со своим районом, ничем не гордятся, не могут вспомнить ничего интересного рядом с собой. Это совершенно безликие образования, но никто не хотел бы здесь что-нибудь изменить. И все довольны [Ревзин, 2014].

Ко всему прочему некоторые из основных демократических ценностей в той или иной мере адаптированы русским сознанием и прижились на русской почве, например ценности личной свободы, стремление к личному преуспеванию составляют сегодня движущий мотив подавляющего большинства отечественного общества. «В этом смысле русские даже бóльшие западники, чем население Запада» [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 456].

И это действительно так, притом вековые стереотипы – мы самые особенные, все зло от заграницы, кругом враги – не только никуда не исчезли, наоборот, приобрели и приобретают масштаб уже не только помутнения массового сознания, а обскурантистского невежества и мракобесия.

Итак, одна страна – два народа.

Все, что говорилось выше о враждебности двух российских послепетровских укладов, цивилизаций, может показаться всего лишь упрощенной схемой (ну да, было, ну да, наложило какой-то отпечаток на ход русской истории, но какое это имеет отношение к сегодняшней России).

Как раз отношение самое прямое: развитие событий с весны 2014 г. столь круто изменило «стабильную» в нулевые годы и нынешнюю российскую жизнь (практики внешнеполитических разворотов страны, внутриполитический всплеск национального сознания и небывалого национального единения), и при этом «расколотость» общества (на сегодняшнее сверхбольшинство и сегодняшнее скромное меньшинство) не только подтвердилась, но стала заметно обостренной.

Для европейски ориентированного меньшинства настали мрачные и трудные времена (клише, конечно, но именно эти слова первыми приходят на ум).

Возможно, утешением для нынешнего европейски ориентированного меньшинства будет довод о том, что все проходит (правда, в России для этого иногда нужно жить долго). Конечно, не перевелись еще и настоящие русские европейцы, но в данном случае имеется в виду европейски ориентированная часть современного российского общества. Автор относит себя к европейски ориентированному меньшинству – так сложилась жизнь, но целью обзора было намерение объективно представить мнение о сегодняшнем российском «большинстве», о возможном процессе формирования русской гражданской политической нации. Другое дело, что картина состояния современного российского общества, эмоциональных настроений русских людей выглядит неприглядно. Такова уж сегодня политическая и психологическая атмосфера, а в состоянии психологического стресса у людей стираются многие человеческие и личностные черты.

Вот как оценивает директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич сегодняшнее ментальное состояние российского общества: общество (а сегодня это путинское сверхбольшинство, добавлю от себя) само создает ту матрицу ценностей, норм и правил, в которой все мы и живем. Когда вся страна мирно, тихо, покорно приспосабливается к худшим и ухудшающимся условиям жизни, не пытаясь понять, почему они ухудшаются и что надо сделать, чтобы переломить такое развитие событий, – это, по ее мнению, почти приговор.

Привыкание к худшему, впрочем, может длиться долго, можно еще 10–20 лет жить так, как сейчас [Зубаревич, Озерова, 2015].

Примерно так же описывал состояние российского социума еще в «нулевые» годы Б. Дубин, особенно отмечая «дефицит воли к устройству собственной жизни собственными силами, дефицит конструктивного и критичного

понимания того, что происходит, и еще горше того, дефицит воли к такому пониманию» [цит. по: Балла, 2011].

Владимир Пастухов по-своему видит эту проблему: сегодня в России на место циников, ставших символом как бандитских «девяностых», так и чекистских «нулевых», приходят люди с горящим взором и неистребимой верой в химеры, они с легкостью находят объяснение всему необъяснимому и оправдывают все, чему, казалось бы, нет оправдания. В результате надежно блокируется возможность делать адекватные выводы из наблюдаемых фактов, а выносимые суждения становятся неуязвимыми для критики [Пастухов, 2015].

Не могу не признаться: очень хотелось бы ошибиться, что ситуация в России не столь драматична, не так тревожна, что раскол на два «склада» – это лишь умозрительная конструкция. Тем более что до нынешнего крутого «разворота» российской внутренней и внешней политики темы и проблемы «раскола» если и присутствовали в политическом дискурсе, то где-то далеко на периферии.

Подоспели и «успокаивающие» соображения: в последнюю декаду июля читаю в интервью: «Все зарастет… зарастут нынешние расколы внутри общества: они искусственные, их культивировали, никакой гражданской войны на самом деле нет. Думаю, если не раздувать эти конфликты искусственно – через три года никто и не вспомнит всю эту непримиримость» [Ходорковский, Быков, 2015].

Дай Бог, чтобы так. В принципе в России все можно поменять – развернуть на 180°, тем более что правительство в России всегда было единственным европейцем (в большей или меньшей степени оно остается им до сих пор).

Предположим, все меняется: президент, правительство, состав Федерального Собрания, руководство федеральных каналов, одиозные телеведущие и т.д. Но нынешнее путинское большинство, а это и есть сейчас русский народ (еще не политическая нация) с его провинциальными страхами (все зло от заграницы, кругом враги), нарастающей агрессией, убеждениями, что мы особенные, болезненными воспоминаниями о тяжелой ситуации 1990-х, – прежде всего ощущениями исторического поражения (Веймарским синдромом, хотя, по мнению А. Зубова, правильнее было бы говорить о Беловежском синдроме). Сейчас Россия демонстрирует те «пугающие модели поведения масс, которые словно выпрыгивают из забытой эпохи или иного культурного измерения» [Булдаков, 2010, с. 3].

Нельзя забывать, раз уж упомянуты болезненные воспоминания 1990-х, и о «проклятом» (термин М. Доброго) вопросе современной России – итогах приватизации. Народ, ограбленный в ходе бесчеловечной приватизации, вряд ли забудет о своих «потерях», о том, как это было сделано. И в этом ненор-

мальность нынешнего положения, его «потрясающая непрочность» (В. Ковалёв). Вглубь загнана «холодная» гражданская война и не дай Бог, оказаться ей бикфордовым шнуром.

В России никто и никогда до конца не понимает, какой будет реакция населения (общества, народа), считает Н. Зубаревич. Никто из аналитиков не может точно сказать, где рванет. Долго-долго все идет по инерции и «вдруг происходит какой-то щелчок ментальный, который создает энергетику протеста там, где никто не ждал. Я… не понимаю, какое у нас общество» [Зубаревич, 2015, с. 5].

Приходится согласиться с мнением Н. Зубаревич.

Рецензируя книгу (под редакцией С. Никольского и М. Ходорковского), С. Львовский сформулировал точно: «Ощущение тревоги перед неразличимыми контурами будущего» [Львовский, 2014, с. 138].

Впрочем, можно сказать еще определеннее – В.А. Ковалёв в недавно вышедшей книге формулирует жестко: «То, что мы идем ко дну, понятно и без всякой социальной науки… Выхода из нашей ямы никакая наука сейчас показать не может, только понимание того, что современное устройство обречено и развитие начнется по новой схеме (если начнется). Потом» [Ковалёв, 2015, с. 124].

Закончить же все эти размышления, экскурсы и извлечения хочется горестными и печальными словами русского писателя Виктора Астафьева (1924–2001). Весной 2009 г. вышел в свет том его писем [Астафьев, 2009]. В письме от 01.03.1995 г. В. Астафьев упоминает будущую книгу «о народе нашем, великом и многотерпеливом, который, жертвуя собой и даже будущим своим, слезами, кровью, костьми своими и муками спас всю землю от поругания, а себя и Россию надсадил, обескровил».

И строчками выше: «Сильно мы Господа прогневили, много и страшно нагрешили, надо всем молиться, а это значит – вести себя достойно на земле, и, может быть, Он простит нас и не отвернет своего милосердного лика от нас, расхристанных, злобных, неспособных к покаянию» [цит. по: Тарасов, 2015].

Литература

1. Астафьев В. Нет мне ответа..: Эпистолярный дневник, 1952–2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.

2. Баканов К. Распутин не приехал на свой юбилей // Собеседник. – М., 2012. – 21–27 марта, № 11. – С. 22.

3. Балла О. Синдром выживания: Катастрофа, которую научились не видеть // НГ – Ex libris. – М., 2011. – 22 окт. – С. 6.

4. Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация: Современный портрет. – М.: Миттель Пресс, 2009. – 534 с.

5. Блок А. Письмо матери. 7.05.1909 (нов. ст.), Венеция // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 6 / Сост. В. Орехов. – Л.: Худож. лит., 1983. – С. 166.

6. Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2010. – 1096 с.

7. Васильев А. Обреченная демократия // Куранты. – М., 1992. – 2 апреля, № 64. – С. 4.

8. Верчёнов Л.Н., Шлемин П.И. Какой будет новая Россия? // Политическая наука в России: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 71–92.

9. Глебова И.И. В поисках утраченной войны: Первая мировая в российской истории и памяти // Россия и современный мир / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 2. – С. 93–103.

10. Городницкий А., Семенова Е. Интервью // НГ-Ex libris. – М., 2015. – 17 сент. – С. 2.

11. Государство. Общество. Управление: Сб. ст. / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 511 с.

12. Гринберг Р., Скворцова Е. Интервью // Собеседник. – М., 2015. – 23–29 дек., № 49. – С. 8.

13. Гудков Л. Тоталитарный дрейф // Новая газета. – М., 2015. – 31 авг. – С. 7–9.

14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1986. – Т. 29, кн. 1. – 546 с.

15. Дубин Б., Шубина М. Борис Дубин: «Нам нести всю тяжесть расплаты»: Неопубликованные интервью // Colta. – М., 2014. – 21 августа. – Режим доступа: http://colta.ru/articles/society/4319 (Дата обращения: 24.08.2014.)

16. Дубин Б.В. Россия нулевых: Политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011. – 391 с.

17. Ерофеев В., Двали Н. Интервью // Бульвар Гордона. – Киев, 2014. – № 42, октябрь. – С. 2, 9.

18. Жак Деррида в Москве / Пер. с фр. и англ.; предисл. М.К. Рыклина. – М.: РИК «Культура», 1993. – С. 15.

19. Заринская И.В., Фирсанова Е.В. Государство и общество в российских социологических исследованиях 1991–2011 годов // Государство. Общество. Управление: Сб. ст. / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – С. 467–500.

20. Зубаревич Н., Озерова М. Коридор возможностей роста сузился до предела: Интервью // Московский комсомолец. – М., 2015. – 16 июля. – С. 5.

21. Кантор В.К. Между произволом и свободой: К вопросу о русской ментальности. – М.: РОССПЭН, 2007. – 272 с.

22. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / Отв. ред. Нечкина М.В.; Сост. Зимин А.А., Киреева Р.А. – М.: Наука, 1983. – 416 с.

23. Ковалёв В.А. Нормальный русский национализм: (К вопросу об идеологии демократического государства в России) // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 3. – С. 27–45.

24. Ковалёв В.А. Свободные темы: Эссе – Заметки – Дневник читателя. – Сыктывкар: изд-во СТУ им. П. Сорокина, 2015. – 302 с.

25. Левада Ю.А. Сочинения / Сост. Т.В. Левада. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. – 415 с.

26. Липман М. От редактора // Pro et contra. – М., 2014. – № 1–2 (62). – С. 2.

27. Львовский Ст. Рецензия на кн.: Государство. Общество. Управление: Сб. ст. / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 511 с. // Pro et contra. – М., 2014. – № 1–2. – С. 133–138.

28. Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // Pro et contra. – М., 2007. – Т. 11, № 3. – С. 6–20.

29. Никонов В.А. Тонкая материя // Независимая газета. – М., 2012. – 26 января, № 10. – С. 2.

30. Новое покорение Крыма // Независимая газета. – М., 2014. – 30 декабря, № 285. – С. 2.

31. Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et contra. – М., 2014. – № 1–2. – С. 34–53.

32. Пастухов В.Б. Синдром измененного сознания // BBC. – М., 2015. – 5 мая. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/05/150505_blog_pastoukhov_syndrome_changed_consciousness (Дата посещения: 06.05.2015.)

33. Пастухов В.Б. Сценарии Апокалипсиса: Судьба российской государственности в XX веке // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – М., 2012. – Вып. 4. – С. 144–180.

34. Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России / РАН. ИНИОН. – М., 1994. – 217 с.

35. Политическая ситуация и общественные настроения в России: Год после выборов: Начало застоя или временное затишье? // Фонд «Либеральная миссия»: [Сайт]. – М., 2013. – 19 июня. – Режим доступа: http://liberal.ru/articles/6169 (Дата обращения: 19.06.2013.)

36. Полянников Т.Л. Неклассический национализм в современной мировой политике: Социально-политический и культурный контекст: Автореф. дис. …канд. полит. наук: 23.00.02 / ГУ – ВШЭ. – М., 2009. – 29 с.

37. Путин В.В. Обращение президента Российской Федерации // Российская газета. – М., 2014. – 19 марта, № 63. – С. 2.

38. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. – М.: Древнехранилище, 2013. – 646 с.

39. Ревзин Г. Безнадежно незабытое старое // Коммерсантъ Weekend. – М., 2014. – 18 июля, № 27. – С. 21.

40. Ремчуков К. От редактора // Независимая газета. – М., 2015. – 30 декабря. – С. 1.

41. Роксборо А. Железный Путин: Взгляд с Запада / Пер. с англ. С. Бавина и У. Сапциной. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 360 с.

42. Сергеев С. Русское и русско-советское: Заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. – М., 2011. – № 12. – С. 93–101.

43. Силади А. Украденный путч, или Какой будет четвертая Россия? // Венгерский меридиан. – Budapest, 1991. – № 4. – С. 88–104.

44. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 542 с.

45. Тарасов А. «Надо становиться на колени посреди России и просить у своего народа прощение»: Письма Виктора Астафьева – о войне, правде о ней и цене Победы // Новая газета. – М., 2015. – 27 марта, № 30–31. – С. 17.

46. ФОМ: работу Владимира Путина положительно оценивают 85% россиян // Коммерсантъ. – М., 2015. – 3 ноября. – Режим доступа: http://kommersant.ru/doc/2846498 (Дата посещения: 16.01.2016.)

47. Ходорковский М., Быков Д. Михаил Ходорковский: Путин победит на выборах и уйдет: Интервью // Собеседник. – М., 2015. – 22–28 июля, № 27. – С. 12–13.

48. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: НЛО, 2014. – 604 с.